Илья Мурович и чудище

Было́ у нас во Царе́-гради́
Наехало проклятоё чудишшо.
Да сам ведь как он семи аршин,
Голова у его да как пивной котел,
А но́жишша как-быть лыжишша,
Да ручишша да как-быть граблишша,
Да гла́зишша да как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвые
Тема́ же жалезами немецкима,
А связали его да руки белые
Тема же опутьями шолковыма,
Кнегину Опраксею в поло́н взяли́.
Во ту пору да во то времечко
Перепа́хнула вестка за реку-Москву,
Во тот же как ведь Киёв-град
К тому же ведь да к Ильи Муровичу:
— Да ой еси ты, Илья Мурович!
Уж ты знаёшь ли, про то ведаёшь?
Помёркло у нас да соньцо красное,
Потухла звезда да поднебесная:
И нынче у нас во Царе-граде
Наехало проклятое чудишшо;
А сам как он из семи аршин,
Голова его да как пивной котел,
А ножишша как-быть лыжишша,
А ручишша как-быть граблишша.
А глазишша как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвы же
Тема́ жа жалезами немецкима,
Связали его руки белые
Тема́ же опутьями шолко́выма,
Кнегину Опраксею в поло́н взяли́.

Да тут же ведь да Илья Мурович
Надеваёт он тут платьё цве́тное,
Выходит на середу кирпицнею,
Молитсе спасу пречистому,
Да божьей матери, богородице.
Пошел Илья на конюшон двор
И берет как своего добра́ коня,
Добра́ коня со семи цепей;
Накладыват уздицу тасмяною,
Уздат во уздилиця булатные,
Накладыват тут ведь войлучек,
На войлучек он седелышко;
Подпрягал он двенадцать подпруженёк,
Ишша две подпружки подпрягаютси
Не ради басы́, да ради крепости,
Не сшиб бы бога́тыря доброй конь,
Не оставил бы бога́тыря в чисто́м поли.
Да скоро он скачёт на добра́ коня;
У ворот приворотников не спрашивал
(*Они думали, поедет воротами*),
Да он машот через стену городову жа.
Едёт он по чисту́ полю, —
Во чистом-то поли да курева́ стоят,
В куревы́-то бога́тыря не ви́дети.
Да ехал он день до вечера,
А темну-то ночь до бела́ свету,
Не пиваючи он да не едаючи,
Добру́ коню отдо́ху не даваючи.
Конь-от под им как подпинатьсе стал.
Бьет он коня и по тучни́м ребрам:
— А волчья сыть, травяной мешок!
А што тако подпинаишьсе,
Надо мной, над бога́тырём надсмехаишьсе?
А конь скочил, — за реку пере́скочил.
А прошло три дороги широких-е,
А не знат Илья, да куда ехати.
А во ту пору, во то времечко
Идет как калика да перехожая,
Перехожа калика безымянная.

Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж ты здравсвуёшь, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
А где ты был, да ты куда пошел?
Отвечает калика да перехожая,
Перехожа калика да безымянная:
— Я иду ведь тут из Царя́-града,
Я пошел ведь тут во Киёв-град.
Говорил как тут да Илья Мурович:
— Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
А што у вас да во Царе́-гради?
Ишша всё ли у вас там по-старому,
Ишша всё ли у вас там по-прежному?
Говорит как калика перехожая,
Перехожа калика безымянная:
— Уж ты ой еси, да Илья Мурович!
А у нас ведь нынь во Царе́-гради
Не по-старому, не по-прежному;
А потухло у нас сонцё красноё,
А помёркла звезда поднебесная:
Как наехало проклятоё чудишшо;
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел,
А и ножишша как-быть лыжишша,
А и ручишша как-быть граблишша,
А и глазишша как-быть чашишша.
У царя Констянтина Атаульевича
Ишша скованы ноги резвые
А тема жа жалезами немецкима,
Ишша связаны руки белые
А-й тема́ опутьями шолко́выма.
Говорит как тут Илья Мурович:
— Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
Ишша платьем с тобой мы поменяимсе:
Ты возьми у мня платье богатырскоё,
А отдай мине платьё калицькое.
Говорит как калика перехожая:

— Я бы не́ взял платья богатырьского,
Я бы не отдал платья калицького,
А едино у нас солнышко на́ неби,
А един у нас могу́т богаты́рь —
А старо́ казак да Илья Мурович;
А с тобой с Ильей дак и слова нет.
Они платьём тут да поменялисе,
Ишше тут же ведь Илья Мурович
Он ведь скинул платьё богатырскоё,
А одел себе платье калицькоё
И оставил калики добра́ коня.
Он ведь сам пошел тут каликою:
Ишша клюцькой идё подпираитсе,
Ишша клюцька под им изгибаетсе.
Говорит тут Илья Мурович:
— Не по мне ета клюцька и кована,
Ишша мало жалеза ей складено,
Ишша сорок пуд во единый фунт.
(Не худой, видно, сам был).
А идет как калика да по Царю́-граду;
А скрыцял как он да по-калицькому,
Засвистел как он по-богатырьскому, —
А проклятоё тут чудишшо
Оно чуть сидит на лавици.
И та же калика перехожая
А идет ведь к чудишшу в светлу́ гридню́.
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици,
А сидит проклятоё чудишшо,
А сидит оно ведь на лавици,
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел,
Ишша ножишша как-быть лыжишша,
Ишша ручишша как-быть граблишша,
Ишша глазишша как-быть чашишша.
Говорит как проклятое чудишшо:
— Уж ты ой еси, калика перехожая!
Уж ты где ты был, куды ходил?
— Уж я был во городи во Киеви

У стара казака да Ильи Муровича.
Говорит как тут ведь ишше чудишшо:
— А каков у вас и могут богатырь,
Ишша стар казак да Илья Мурович?
Говорит калика перехожая,
Перехожа калика безымянная:
— А таков у нас могут богатырь,
Ишша стар казак да Илья Мурович:
А в один мы день с им родилисе,
А в одной мы школы грамоты училисе,
А и ростом он такой, как я.
Говорит проклятоё чудишшо:
— Ишша много ли он хлеба к выти съес<т>?
Говорит калика перехожая:
— От ковриги краюшечку отрушаёт,
А и той краюшкой троё сутки живет.
Говорит проклятое чудишшо:
— По сторублевому быку да я ведь к выти ем!
Говорит как калика перехожая,
Перехожа калика да безымянная:
— У нас у попа была коровушка обжориста.
Да много жорила, ей и ро́зорвало!
Говорит проклятое чудишшо:
— Я и буду в городе в Киеви,
Ишше буду я как баран тусён,
Как баран тусён, как сокол есён;
Стару казака да Илью Муровича
На доло́нь посажу, другой ро́схлопну, —
У его только и мокро пойдё.
Стоит как калика перехожая,
Он сымаё шляпочку воскрыньцату,
Он и взгрел чудишша по буйно́й главы.
Покатилась голова, как пивной котел.
Тут ведь па́велы и юла́велы,
Ишше та его сила неверна жа,
И схватили тут да Илья Муровича,
А сковали его ноги резвы жа
А-й тема жалезами немецкима,
А связали его руки белы жа

Тема же опутьями шолкóвыма.
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж ты спас, уж ты спас многомилослив,
Уж ты божья мать, богородица!
Уж вы што на меня да ек прогневались?
Приломал все жалеза немецкие,
Он прирвал опутьни шолкóвые;
Он ведь стал по силы тут похаживать,
Он ведь стал ту силу поколачивать,
Он прибил их всех до единого.
Ишша ихны те ведь тулова
Он выкидыват окошечком на улочку,
Ишша сам он им приговариват:
— А пушшай ваши те ведь тулова
А-й серым волкам на розры́ваньё,
А черны́м ворона́м на росклёваньё,
Ишша малым робятам на изры́ганьё.
У царя Констянтина Атаульевича
Росковал у его да ноги резвые,
Розвязал у его руки белые,
А кнегину Опраксею назад ведь взял,
Посадил он их тут на царство жа.
А пошел как тут да Илья Мурович,
А приходит он ко меньшóй реки
Ко тому калики перехожоё.
Ишша тут калика перехожая,
Перехожа калика безымянная
И не можот он его конем владать,
А его коня в поводý водит.
Они платьём тут розменялисе:
Ишша тот ведь да Илья Мурович
Он ведь скинул платьё калицькоё.
Он одел ведь платье богатырское.
Ишша тут они разъезжалисе,
Ишша они тут роспрошшалисе;
А Илья поехал домой ведь тут,
А калика пошел, куды надомно.

(Записано О. Э. Озаровской в 1915 году от пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой.)

О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1922.